

Нина Спирина

ПОКЛОННИК ВТОРОГО ВАРИАНТА

Февраль 1943 года — принят чернорабочим в Новокузнецкое шахтостроительное управление.

Апрель 1971 года — работает бригадиром там же.

НАГРАДЫ

1947 г. — медаль «За доблестный труд».

1949 г. — медаль «За трудовое отличие».

1953 г. — медаль «За трудовую доблесть».

1955 г. — присвоено звание «Почетный шахтер».

1957 г. — орден Ленина.

1961 г. — Шахтерская слава III степени.

1962 г. — Шахтерская слава II степени.

1963 г. — Шахтерская слава I степени.

1966 г. — орден Ленина.

1971 г. — присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Из трудовой книжки Ивана Егоровича Сизых, бригадира проходчиков Новокузнецкого шахтостроительного управления.

«Неоднократно избирался членом бюро парткома управления, бюро Орджоникидзевского райкома партии и исполкома районного Совета. В настоящее время — депутат Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся и кандидат в члены ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности».

Из характеристики, выданной И. Е. Сизых начальником ИСУ.

Кроме этих блестящих анкетных данных, назвали кучу цифр и процентов, тоже не менее впечатляющих. Только все это как-то не облекалось в человеческую форму, не отзывалось в сознании, если так можно сказать, праздником. Ведь встреча с каждым новым, тем более интересным человеком — это всегда праздник души, это как песня. Для меня пока это прекрасная анкета «не пела». Хотелось заглянуть за нее. И вдруг, как яркий луч, кем-то брошенная фраза:

— Что вы все регалии считаете, мы же по Егоровичу совесть свою сверяем.

Совесть — не часы. Там механизм настраивали, и пошел маятник тикать. А тут... Каким же должен быть человек, чтобы люди сверяли по нему свои поступки, свою совесть?

Ему 46. Крепок, подвижен. Энергию — на троих поделить можно. От других ни внешностью, ни поведением не отличается. Равный среди равных. Может, даже скромнее многих. По крайней мере, весь груз его славы не мешает его ни-

сколечко. И надо очень долго его знать, чтобы понять, оценить это его естественное поведение. Напряженные, напичканные до отказа заботами недели часто без выходных и нормального отдыха не омрачают его настроения, не лишают чувства юмора. Иной раз пальцем шевельнуть от усталости не хочется, а тут человек с просьбой:

— Помоги, Егорыч.

Он переломит внутри себя усталость, раздражение и улыбнется:

— Не волнуйся, разберемся.

И разберется, это уж точно.

В его биографии нет никаких сенсаций и подвигів, никаких особых поворотов судьбы и преодолений трудностей. Просто есть работа. 28 лет в одном управлении. Работа проходчика, которая ему нравится. Земля для него как живой организм: чем глубже, тем загадочней. Одними мускулами здесь не обойдешься. Как хирург перед операцией до мелочей продумает весь ход своих действий, так и тут. Прежде чем вскрыть «брюхо» земли, помозговать надо. Оно ведь что ни шахта, то свой норов. Как пройти квершлаг, сделать камеры, усмирить «текущую породу»... Каждый раз мудрить надо, контролировать, иначе того и гляди штрек «загуляет».

Вот эта необходимость каждый раз принимать новое решение, думать, как усмирить, перехитрить природу, приворожила его к земле, полюбилиась на всю жизнь. Оттого и дело ему в радость.

Одно, может, недовольство посит в душе Иван Егорович. На фронте не был. Тут, правда, не его вина. Сам-то он и в семнадцать слыл в деревне за солидного мужчину и был старшим на колхозной конюшне. На фронт встал. Взрослым стал поневоле: мужики все воевать ушли, а у него дома остались мать да четверо братьев, один одного меньше. В сорок третьем повестку принесли. Обрадовался, мечтал под Сталинград попасть, да не вышло. Привезли новобранцев в Новокузнецк и сказали: надо строить шахту. Желание попасть на фронт не проходило, но этот листок с красной чертой... Понимать, мол, надо — бронь. Да и в тылу на передний край не пускали. Комиссия заключение выдала единодушное: на подземные работы не годен — ростом не вышел и хил больно. Тут уж Иван дрался до победного и добился своего — пустили в шахту.

Так с тех пор под землей и обосновался. А крестьянская закуска пригостила. Шахтерскую науку быстро переварил, сноровки и смелости хватало. И если сейчас его уважают, то в первую очередь за то, что он сам — пахарь. «Тянет, как вол, попробуй за ним угнаться». С пятьдесят второго в бригадирах ходит, а чтоб встать на «капитанский мостик» и только командовать — этого за ним не водится. Наоборот: где самое пекло, там и он. Чуть забурилась бригада, он в одном звене отработает и в другое придет. Не посмотреть. Плечо подставит, лопату в руки возьмет и машину отремонтирует, колы сломалась. Если случится заминка какая, ему звонят домой ночью, в выходной. Моргнуть, что называется, не успеют, а он уж примчался в забой...

Проходчик. До недавнего времени не было в горняцком деле более трудной специальности, чем эта. Механизация — не разбежишься: породопогрузочная машина, буровая установка да лебедка. В остальном — надежда на руки. Жизнь любой шахте дают проходчики. Собственно, начинается все с нового участка земли. Под землей еще проливаться надо на сотни метров. А ствол бить — не в домино играть. От ствола начинается рудный двор, разбегаются в разные стороны артерии, по которым потечет потом уголь. Но сначала эти артерии надо пройти, отвоевать метр за метром в железном монолите гор. Скальные породы — штука коварная. Бурить шпур — станешь — пять потов сойдет. За лопату берешься — всю силенку приложи. Жилы, как струны, натягиваются, того и гляди лопнут. Ладони у проходчиков, что слоновою кожа, — в сплошных мозолях. А то и кровь останется на черенке, особенно когда крепление идет. Это потом люди спускаются в шахту и удивляются: мол, как в метро, тоннель просторный, аккуратненько в железобетон одет... А шахтостроителям этот бетон — сущая беда. Автоматических приспособлений пока не придумали. Бери больше — кидай дальше — такая механизация. Звено из трех-четырех человек, бывало, за смену до трех вагонов бетона разгружает и укладывает в стены. От основания крепить — еще полбеда. А как дело доходит до «замка», тут, чего греха таить, и бога, и дьявола вспомнят. Попробуй забрось его в узенькое отверстие. Не попадешь — на тебя же свалится. Удовольствия мало. Пока

человек не обвыкнется, сколько проклятий пошлет он этой злополучной «потолчине». И руки отмотает. Бетон — не мясо. Он не только тяжел, но еще и агрессивен. Как ни берегись, все равно попойдет на запястья, между рукавами и перчатками. Разеет кожу — хоть плачь. Новичкам — тем совсем не сладко. Без привычки к концу смены «крыльица» отваливаются, и, кажется, каждый мускул стонет от боли. Потом такое ощущение исчезает, и на смену приходит сознание собственной силы и легкости в руках. Одним словом, появляется привычка.

Целевой, в общем, проходческий хлеб, хотя и заработки высокие. Кой-кто думает, что стоит только робу шахтерскую надеть, под землю спуститься, как «длинные» рубли потекут сами собой. Какое глубокое заблуждение! За «длинные» ай как надо пошевеливаться...

Ивана никто после победы над Германией в шахте не держал. Парни демобилизовались и по домам разъехались. А он махнул в родные края лишь за тем, чтобы переманить в Новокузнецк мать и братьев. Вскоре же пятеро Сизых строили шахты, и заводу на прочность проходили у старшего брата Ивана. Тот по-своейски «сдирает с них шкуру» больше, чем с кого-либо другого.

Требовательность, и в первую очередь к себе, у него в крови. Как спустился в шахту, так ни минуты простоя, все бегом, бегом. Он даже никогда «тормозка» с собой не берет.

Работать с ним тяжело и легко. Тяжело потому, что темп бешеный и выкладывать всего себя надо без оглядки, не жалеючи, иначе он не умеет. А легко потому, что организатор он талантливый, умеет в перспективу заглянуть и каждую мелочь предусмотреть. Нить или лебезить перед начальством не будет, но для бригады добьется всего, что нужно. Легко и потому, что умеет он создать настроение в коллективе. Прижмет порой так, что руки опускаются. А он где шуточку подбросит, где поможет — и вот уже «туча расселась», и на душе у всех потеплело. Это, видно, у него от бога — умение не робеть, не раскисать перед трудностями и переходить в нужный момент на «второе дыхание». Глядя на него, и другие «включают» это дыхание... Не всякому да по приподняться над обременительной каждодневностью и рассмотреть в своем

труде не только тяготы, но и радость, интерес, разнообразие. Иван Егорович этим даром обладает. И работа для него не просто «хлеб насущный», но и внутренняя приятная потребность.

Видела я его в шахте. Весь — движение. Весь — порыв. Одному помог подтащить рельс, вместе с другим толкал в клеть груженный вагон. Да так, что жилы на шее вздулись... Да, рядом с таким работать с прохладцей — совсем замучает.

Заместитель начальника участка вот как отозвался о бригаде Сизых:

— У нас на участке двести человек, но его бригаду мы посылаем в самые сложные условия. Фактически туда, где никто больше не справится.

— А как командировки, его частое отсутствие?

— Какое это имеет значение? Без вожака бригада не хуже работает. Из уважения к нему. Не помню случая, чтобы кто-нибудь подвел бригадира.

Сначала подумалось, что заместитель начальника не прав, как-то принижает других. Потом только стало ясно, что в словах его заключен несколько иной смысл. На участке все, в общем, работают хорошо, есть отличные коллективы, которые по метрам иной раз обгоняют Сизых. Сила же бригады, которой руководит Иван Егорович, в другом. Многие годы при любых условиях она идет на одинаково высоком темпе (средняя цифра в основном полторы нормы). Она с одинаковой старательностью и тщательностью выполнит работу «дежурную» и ту, за которую получит гроши. Выполнит, потому что так надо, потому что сознание у людей высокое, потому что за многие годы здесь выработались определенные отношения, при которых во главу угла ставятся обоюдное доверие и честность.

Их сейчас 31. Раньше было больше. Стоит ли говорить, что у всех у них разные характеры и взгляды. Это и так ясно. Идет естественное движение — кого выдвинули в бригадиры, кто ушел, а кто просто не выдержал и ушел. Приходят новые, и тоже не ангелы. В бригаде к новичкам по-отечески внимательны. Прикрепят к опытному. Делать заставляют поначалу что полегче, учат всем премудростям и, в первую очередь, своим неписаным правилам и традициям. Коротко их можно выразить двумя словами: помни о товарище. А если

ты нарушил святой закон товарищества, иди «на круг». И тогда уж пощады не жди: такую головоломку устроят, что на всю жизнь запомнишь. Иван Егорович свою бригадирскую власть редко применяет, убежден, что лучший способ воспитывать человека — это собраться (так говорят здесь) «на круг». А уж если говорит сам...

Один проходчик признался:

— Выпил я как-то перед сменой двести граммов, повод был, ну, невозможно отказать... У Егорыча глаз наметан, смотрит на меня и этак спокойноенько, тихо начинает разговор... Стою перед ним и чувствую, аж пот меж лопаток потек. Стыдно так, что провалиться б сию минуту в тартарары. Накричал бы на меня, легче было бы... Не думайте, уважаю просто. Я в жизни больше всего двух человек уважаю: мать свою да Егорыча... С тех пор ни разу со мной подобного не случилось, и, думаю, не случится.

Уважение такое к Сизых не с неба, конечно, свалилось. Он обладает способностью видеть в человеке не только «белое» и «черное», но и рассмотреть все оттенки его души и соответственно найти к каждому подход, открыть в человеке Человека, прежде всего, и для него самого же.

Почти со всеми членами бригады я переговорила, и первое, что они подчеркивали: их вождя всех одной меркой не мерит. Наверное, Иван Егорович завышает меру ценности человеческой, а люди невольно стараются подтянуться.

Не так давно бригада поставила республиканский рекорд. Были поздравления, цветы, музыка, правительственные и прочие телеграммы, корреспонденции в газетах. Но Сизых прошел сквозь это спокойно, даже чутьчку раздражаясь от излишнего внимания.

— Не люблю я всей этой шумихи, да и рекордов — тоже, — признался он. — Работать всегда надо хорошо. Просто время от времени надо дать людям поверить в свои силы, понять, что они способны на большее. В этом смысле «рывки» полезны.

А сделан был поистине гигантский рывок. Люди в семь раз превысили обычную месячную норму. Вдумайтесь, — в семь раз... Какие внутренние резервы надо было мобилизовать, чтобы перешагнуть через невозможное. Ведь особых условий не было. И порожняк иной раз запаздывал, и обеспечение хромало,

и бетон завозили неровно, и самое неприятное — на большом отрезке были отвратительные горные условия. Геологические нарушения... Вот он, темно-серый бок штрека. Хаотически застывшие каменные слои. Какие тайны природы превратили здесь, под землей, монолитную скалу в эту беспорядочную мешанину? Рукой дотронься — и то крошится. А ведь ее надо бурить, взрывать, крепить. Того и гляди поползет гора и уничтожит все людские старания. По горло было хлопот с этими вековыми тайнами...

Мы идем как раз по этому отрезку скоростной проходки. Действительно, как в метро. Чисто, просторно. Ровный бетонный свод — безмолвный свидетель мужества и крепости людских характеров. Никто не знал, когда в этот месяц спал Иван Егорович. В пять утра пришел на смену — он тут, в двенадцать ночи — тоже в забое. Отдыхать надо, а он торчит в управлении, требует, чтоб бетон вовремя был и порожняка выделили побольше. По нему и остальные равнялись. «Тормозки» часто оставались нетронутыми: вздохнуть некогда было. Был момент, когда в пылу отрывали рукава от рубашек, потому что они мешали свободе движений. Счет шел на секунды, каждый шаг был рассчитан заранее. Помогало то обстоятельство, что в бригаде каждый владеет, и не как-нибудь, пятью-шестью горняцкими специальностями. Незаменимых здесь нет. Почти любой может стать на место звеньевоего. Многих спокойно можно посылать вожаками в другие коллективы (что, впрочем, и делают время от времени).

Правду сказать, особым образованием здесь не отличаются, зато в технической политике разбираются хорошо и всякую новинку приветствуют искренне. Не теоретически приветствуют...

Как-то в пять утра на квартире у Сизых раздался звонок:

— Егорыч, штрек завалило, — сообщил звеньевой.

— Никто не пострадал?

— Нет.

— Сейчас буду.

К шахте «Абашевская-2» почти бежал. Мысли в голову лезли невеселые. «Не выдержала, значит, рухнула. Такая красавица — выработка. Еще, чего доброго, люди потеряют веру в эти тюбинги...»

Глаза отказывались верить, что такое

толстое крепление не выдержало. Его раздвинуло, как щепку, и из провала посыпалась порода. Грузили, грузили ее, что называется, до чертиков в глазах, счит шагнам потеряли, а она все сыпалась.

Как пресечь эти «фокусы» горы, которые называют горногеологическими нарушениями? Ивану Егоровичу хотелось сохранить выработку в прежнем виде. Все-таки приятно: идешь, как в метро. Сохранить не столько во имя красоты, хотя этот аргумент он считал не последним, сколько во имя психологических мотивов. Дыру в штреке залатить можно. Пошатнувшуюся веру постанавливать куда сложнее.

Сизых предложил залить монолитный бетон с двойной сеткой за тубинги, и штрек снова стал ровный и опрятный.

Тубинговое крепление в бригаде все же прижилось. Сейчас здесь не представляю, как можно обходиться без него. Шесть железобетонных плит чуть вогнутой формы крепят болтами — и вот уже готова этакая прочная толстая дуга, подпиральная свод.

Такой вид крепления не нов, но в Кузбассе можно на пальцах одной руки пересчитать шахты, где он утвердился. Преимущества его бесспорны. Он дешевле, долговечнее, надежнее в смысле техники безопасности. А главное — ликвидирован при этой операции ручной труд. Плиты поднимает и крепит машина — тубингоукладчик.

Эпизод этот с аварией в шахте — рядовой, на первый взгляд. Но, если призадуматься, происшествие это — яркий пример тому, как коллектив во главе с бригадиром решительно преодолевал психологический барьер, тот самый, который частично мешает при внедрении новой техники.

Всего за несколько месяцев до этого на вопрос о механизации кто-то пошутил:

— Механизация у нас хоть куда: нажал кнопку — пот градом катится.

А теперь вот за новую технику — горой. Недавно в шахтостроительное управление прибыла новая машина. Она изменяет четыре установки — две буряльные и две породопогрузочные. Как на любое новшество, на эту машину смотрели все с любопытством, но брать и забой не рисковали. Иван Егорович, едва познакомившись с чертежами и техническим описанием, попросил установку в свой штрек. Получив согласие,

он поручил своим самым смекалистым проходчикам досконально изучить машину и «тайны» передать потом всем другим. Сейчас новую машину бригада освоила и легко дает с ее помощью по полторы-две нормы. Теперь все трудоемкие процессы переложены на плечи машин — электровоза, тубингоукладчика, комплекса 2ПМБ-2. Казалось бы, можно успокоиться, а проходчики подумывают о новом рекорде на основе техники. Разумеется, к такому событию надо основательно готовиться. Но характер бригады известен. Попусту здесь слов не бросают.

Но самое ценное, на мой взгляд, у них вот что. Дела, поступки человека могут проявляться в двух вариантах. Один — это мог бы сделать, но по каким-то причинам не делает. И другой — это когда человек делает все возможное. Делает не только для себя, но и для людей, для общества. Так вот, всякий, попавший в бригаду Сизых, тянется до этого второго варианта. Влияние Ивана Егоровича в этом неоспоримо.

Как-то у знаменитого хирурга Вишневского спросили, что ценит он в людях. Он ответил: «Скорее всего... — нормальность. Чтоб с человеком легко было рядом жить. Чтобы принципиальность — то в большом, и значит не цепляться к мелочам... Мне немного надо от человека, который рядом: если горе, чтоб плакал, если радость — смеялся. Как мало и как много: чтобы человек был самим собой. Не придумывал себя».

Этот ответ хирурга мне припомнился, когда пыталась осмыслить, что же за личность Иван Егорович, чем держится безоговорочное уважение к нему. Наверное, как раз вот на этом умении оставаться нормальным, не придумывать себя, не стараться выглядеть лучше.

Характер у него вспыльчивый. Вскипит порой, как самовар, накричит, отхлещет словами. Через пять минут остынет и заговорит с человеком, как ни в чем не бывало, хотя в душе будет переживать свой «срыв». Но никогда в пылу не оскорбит, не унижит достоинство другого. Поэтому прощают ему горячность и злость так.

Зачет ему надо было сдавать в школе основ марксизма-ленинизма. Диалектика — штука такая, ее не всякий и с образованием осилит... А у Сизых грамоты маловато. Почти все сдали зачет, а он преподавателю;

— Не разобрался я. Для профформы оно, конечно, можно рискнуть. Не хочу. Для себя вот освою все, тогда приду. Вы не волнуйтесь, я сдам зачет.

Себе — никаких скидок ни в чем, никаких поблажек. Другой лишь начнет «вылезать в знаменитости» и уже вроде бы заслужил право на особые льготы. Гнездышко свое поуютней устраивает, путевку на курорт хлопочет и пригласительный на торжество обязательно потребует.

А этот двадцать с лишним лет прожил в тесной (у него трое детей), холодной квартире и не просил поменять ее. Не один раз ему предлагали поселиться в новом доме, у него один ответ:

— Ладно, потерплю, вы лучше отдайте ее вот этому, он больше нуждается.

И лишь недавно он перешел, наконец, в новую квартиру.

Нужда, беды людские, ссоры супружеские... Что вроде бы ему до них? Своих забот хватает. Да так уж устроен Иван Егорович. Заболел кто, первый в больницу прибежит и домой заглянет, спросит, не нужны ли уголь, дрова, деньги, а может, огород вскопать... В одной семье несчастье случилось, собрал всех «на круг»:

— Тут нам премию на бригаду дали. 600 рублей. Может, делить не будем? Отдадим семье...

Отдали.

В другой раз приходит жена проходчика:

— Иван Егорович, помощи. Мой как в отпуск пошел, так каждый день пьет. То тройку ему дай, то пятерку. Да не в деньгах дело. Надоело, какой уж тут отдых...

После смены Сизых вывел свою машину, разыскал В.

— Садись, поехали.

Тот опешил: куда, мол, зачем... Привез его Иван Егорович в деревню, высадил:

— Иди к родителям, и чтоб до конца отпуска носа домой не показывал. Помогай старикам, и в рюмку — ни-ни.

После оба спасибо говорили. Муж от-

лично отдохнул в деревне, и у жены нервы спокойны были.

Говорят, исполнение долга — это тоже маленькое геройство. И в самом деле, не такое уж это легкое дело — исполнять на совесть свой человеческий долг. Перевести старушку через улицу, не швырнуть по дороге кошку, помочь пусть в самой маленькой беде, пожертвовать чем-то своим ради другого... Все в жизни начинается с малого, с обычного, и ценится это окружающими дорого. Разве не вызовет уважения такой, например, факт. По соседству с бригадой Сизых работала другая бригада, а вернее сказать мучилась. Вожаки менялись в ней, как перчатки, а толку мало. Прогулы, опоздания, пьянки. План у них по швам лопался. Гибла, в общем, бригада. Обратились за помощью к Ивану Егоровичу. Собрали всех, посоветовались и решили послать туда бригадиром лучшего звеньевго Алексея Максимовича Кечина. И года не прошло, а Кечин обогнал по результатам своего учителя. И коллектив стал — не узнать. И все благодаря тому, что Сизых не вылезал из кечинской бригады, советовались вместе в забое и дома... Не заражен Иван Егорович вирусами зависти и честолюбия. Он искренне радовался, что рядом родился еще один хороший коллектив.

Вот такой он, Иван Егорович Сизых, человек, по которому сверяют совесть. Вот на таких крепких, мудрых, убежденных, простых, как истина, держится рабочий класс России.

...Весна. Крестьянская душа Ивана Егоровича не вытерпела. Съездил в лес. Побродил меж елочек, потрогал клейкие почки, порадовался пробивающейся зелени, постоял у могучей березы. Любит он природу, и березу — особенно. Скоро она нальется соком. Пройдет прохожий, осторожно проколет кору, и начнет капать в кружку живительная влага. Другой пройдет, опять напьется. И третий — тоже. А она, краса и символ земли русской, все так же крепко будет стоять средь таких же белоствольных берез, не обеднев от этого.